

© 1995 г. А.Д. ШВЕЙЦЕР

АМЕРИКАНСКИЙ ВАРИАНТ ЛИТЕРАТУРНОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ СТАТУС

Одной из наиболее ярких черт языковой ситуации в период становления англоязычной общности на североамериканском континенте в XVII—XVIII вв. было то, что к тому времени в самой Англии успел сформироваться общенациональный литературный стандарт, выполнявший функции наддиалектной коммуникативной системы. Укреплению его позиций способствовала возросшая роль легшего в его основу языка Лондона, политического, экономического и культурного центра страны, и заметное понижение социального статуса территориальных диалектов, получавших в основном отрицательную оценку [Ярцева 1969: 159]. Возникший на основе южно-центральных диалектов, Standard English, в особенности в его письменной форме, становится эталоном речи образованных слоев населения, в самых различных районах страны. По словам Дж. Путтенгама, автора "Искусства английской поэзии" (1589), "in euery shyre of England there be gentlemen and others that speake, but especially write, as good Southerne as we of Middlesex or Surrey do" [Ярцева 1985: 184].

Если бы колонизация Северной Америки произошла не в XVII—XVIII вв., а несколько ранее — скажем, в эпоху Чосера, т.е. до того, как в Англии утвердился общенациональный литературный стандарт, в Северной Америке, вероятно, сложилась бы иная языковая ситуация с гораздо более четко оформленной диалектной структурой и с гораздо большим удельным весом территориальных диалектов и региональных вариантов в системе форм существования английского языка. Однако унифицирующее влияние литературного английского языка, который — разумеется, с местными модификациями в виде региональных койне — использовался в качестве наддиалектной коммуникативной системы англоязычными поселенцами, было важнейшим фактором, определившим структуру эндоглоссных отношений в ранний период существования американского варианта.

Этот факт подтверждается, в частности, тем, что большинство реликтовых черт, обнаруживаемых в фонологических микросистемах американского варианта (предконсонантный /r/, слабо дифтонгизованный /ou/ и др.) восходят к литературному английскому языку ранненовоанглийской эпохи, хотя, естественно, ни одна из них не представляет собой застывшего оттиска ранненовоанглийского языка [Швейцер 1985: 44].

Рассмотрим некоторые черты внеязыковой ситуации в Северной Америке XVII—XVIII вв., которые не могли не отразиться на роли литературного языка в языковой жизни британских колоний. Прежде всего, необходимо учесть хотя бы те косвенные данные, которые могут дать известное представление о роли Standard English в жизни британских колоний в Северной Америке.

Как отмечает М. Кюте, среди первых переселенцев из Старого в Новый Свет были носители как "лондонского английского языка" (London English), так и местных диалектов (Кента, юго-западной Англии, западного Мидленда и др.). Существование литературного стандарта играло большую роль в качестве унифицирующего фактора, тогда как диалекты способствовали вариативности речи. "В разнородных речевых общностях колоний произошло смешение различных субстратов и нивелирование

определенных фонологических и морфологических черт в пользу южноанглийского стандарта, что привело к возникновению так называемого "американского койне" [Кью 1991: 19].

Весьма показательны данные о социальном составе первых английских колонистов, приводимые М. Кэмпбелом в его работе, посвященной социальному профилю ранних переселенцев [Campbell 1992: 66—88]. По его сведениям, среди тех, кто обосновался в Америке в ранний период колонизации, почти отсутствовали представители высшей английской знати. Зато было немало непотомственных и мелкопоместных дворян (knights and country gentry), т.е. так называемых "джентльменов по крови" (gentlemen of the blood), а также должностных лиц, новых землевладельцев, университетских преподавателей, предпринимателей, купцов, лиц свободных профессий и других "джентльменов". Среди "прочих" (others) были — йомены (yeomen), т.е. мелкие землевладельцы, ремесленники, батраки, а также бедняки, нищие и осужденные правонарушители.

Наиболее полные документальные данные сохранились относительно социального состава групп так называемых indentured servants — наименее состоятельных поселенцев, которые в уплату за проезд на корабле и в качестве "откупных" (freedom dues) должны были по приезду в колонию отработать 4—5 лет на хозяина. Так среди indentured servants, отплывавших из Бристолья, 36% мужчин составляли йомены и фермеры, 27% — ремесленники и торговцы, 10% — батраки и менее 1% — "джентльмены" и лица свободных профессий. В этой категории переселенцев большинство составляли фермеры и квалифицированные рабочие. Как батраки, находившиеся на низшей ступени социальной иерархии, так и men of quality (знатные господа), стоявшие на ее вершине, были в меньшинстве. В целом, основная масса колонистов приходилась на долю среднего и низшего среднего класса.

Едва ли следует преувеличивать число переселенцев периода колонизации, свободно владевших Standard English. Многие из них на первых порах, по-видимому, по-прежнему говорили на своих диалектах, а многие — на "полудиалектах", в которых элементы диалектной речи сочетались с элементами литературного языка. Однако контакт с носителями других диалектов должен был неизбежно приводить к развитию диглоссии типа "местный диалект—региональное койне", подготавливая почву для расширения социальной базы литературного языка.

Среди факторов, способствовавших стиранию диалектных различий и укреплению позиций Standard English и ориентировавшихся на него региональных койне, следует отметить географическую и социальную мобильность населения колоний. Многократное переkreщивание миграционных потоков, двигавшихся от атлантического побережья вглубь страны, ослабляло позиции диалектов в их конкуренции с литературным языком и региональными койне, приводя к устранению "примарных признаков диалектов" (термин В.М. Жирмунского), т.е. его наиболее значительных отклонений от литературного языка [Жирмунский 1968: 26].

В отличие от Англии с ее относительной социальной стабильностью, североамериканские колонии характеризовались более подвижной социальной структурой и более высокой социальной мобильностью населения. Даже indentured servants могли благодаря деловой предприимчивости и политической инициативе подняться на высшие ступени социальной иерархии [Rutman 1972: 245—249].

Другим важным фактором, благоприятствовавшим расширению социальной базы литературного языка, был высокий престиж образования, с которым связывалась возможность успешного продвижения по иерархической лестнице. Так, к концу колониального периода Новая Англия добилась всеобщей грамотности среди мужского населения [Lockridge 1974: 4—5, 13—43]. От колонистов требовалось владение официальным стилем письменной и устной речи. Большое значение придавалось знанию Библии (в особенности среди пуритан), умению выступать на заданную тему и конспектировать проповедь священника [Winslow 1972: 92].

Литературный английский язык сыграл огромную роль в сохранении принци-

пиального единства английского языка в его двух основных вариантах — британском и американском. При этом нельзя недооценивать того значительного влияния, которое оказали литературный язык Англии и его кодифицированные нормы на английский язык во всех его территориальных вариантах, включая "заморские владения британской короны".

Немалую роль сыграл в этом отношении консерватизм американской системы образования, продолжавшей в течение длительного времени полностью ориентироваться на британские нормы. В течение многих лет американских школьников продолжали обучать "правильной" английской речи по учебникам, изданным в Англии, а единственным авторитетным лексикографическим пособием оставался знаменитый словарь С. Джонсона. Большинство американизмов приравнивалось к ошибкам и вульгаризмам. Характерно, что этой точки зрения придерживались не только англичане, но и такие выдающиеся американские просветители, как Б. Франклин, призывавший к сохранению "чистоты" английского языка и борющийся против засорения его американизмами [Mencken 1957: 10—11].

Вместе с тем рост национального самосознания американцев стимулировал их интерес к собственному языку. Пионером возникшего в XIX в. нового течения, отстаивавшего необходимость отказа от слепого следования британским нормам, был известный американский лексикограф, составитель "American dictionary of the English language" (1928) Н. Вебстер, горячий сторонник разработки американской литературной нормы с учетом тех изменений, которые претерпел английский язык в Америке. В составленном им букваре для американских школ впервые получили отражение особенности американского произношения. Многие из предложенных им орфографических реформ (хотя далеко не все) оказали известное влияние на некоторые различительные черты американской орфографии (ср., например, *honor, jail, traveler, plow, defense* вместо *honour, gaol, traveller, plough, defense* и др.).

Ярый поборник "языковой автономии" США, Вебстер нередко в пылу полемики высказывал спорные, а порой и явно ошибочные взгляды, преувеличивая расхождения между американским и британским вариантами английского языка и предсказывая американскому варианту статус самостоятельного языка. Однако в целом его работы сыграли положительную роль, обратив внимание на особенности английского языка в США и на необходимость кодификации его литературных норм.

Высказывания Вебстера о равноправии американского и британского вариантов английского языка вызвали далеко не однозначную реакцию среди его современников. Так Дж. Пикеринг, составитель "Vocabulary or collection of words and phrases which have been supposed to be peculiar to the United States of America", писал в предисловии к своему календарю: "Нельзя отрицать, что в ряде случаев мы отклонились от стандарта письменной и устной речи, которого придерживаются в настоящее время в Англии. Из этого, однако, не следует, что эти отклонения столь велики, что наша речь стала в значительной мере непонятной англичанам. Дело лишь в том, что во многих случаях имела место порча языка, что вызвало порицание и осуждение ученых мужей Англии. Как правило, мы должны избегать всех тех случаев, которые прославленные английские авторы отмечают как незнакомые им, ибо даже тогда, когда мы можем оправдать их употребление ссылкой на английские авторитеты, сам по себе тот факт, что на них обращают внимание образованные англичане, свидетельствует о том, что они не употребляются сейчас в Англии и поэтому не должны употребляться и за ее пределами теми, кто стремится говорить на правильном английском языке" [Mencken 1957: 50].

Как писал известный американский литературный критик и собиратель американизмов Г. Менкен, «теории Пикеринга до сих пор придерживаются американские педагоги. Они считают естественное развитие языка дурным и предосудительным и до сих пор организуют крестовые походы против "отступлений от грамматики", американской манеры произношения и всяческих американизмов — в классе, в популярных брошюрах и по радио» [Mencken: 51].

О некоторых сегодняшних отголосках установок Пикеринга свидетельствует следующий пример из романа К. Воннегута "Завтрак для чемпионов": "Most white people in Midland City were insecure when they spoke, so they kept their sentences short and their words simple in order to keep embarrassing mistakes to a minimum... This was because their English teachers would wince and cover their ears and give them flunking grades and so on whenever they failed to speak like English aristocrats before the First World War."

Как указывает У. Уолфрам, американские школьные и практические грамматики до сих пор отличаются крайним консерватизмом, что порой находит свое выражение в ориентации на такие практически вышедшие из употребления в повседневной речи британские формы, как, например, *shall* в первом лице и *will* в остальных [Wolfram 1991: 7].

Однако в целом со времен Пикеринга в оценках расхождений между американским и британским вариантами произошел значительный сдвиг. Как отмечают британский англист Р. Кверк и его американский коллега А. Марквардт, в наши дни эти оценки со стороны носителей обоих вариантов характеризуются все большей "лингвистической терпимостью" [Marckwardt, Quirk 1965: 69].

Несмотря на противодействие пуристов, игнорировавших языковые факты, в США развернулось движение за пересмотр норм литературного языка с учетом особенностей американского варианта. Это движение опиралось на деятельность целой плеяды американских писателей, которые в своем творчестве широко использовали народный язык и произведения которых сыграли большую роль в формировании американского варианта английского литературного языка. Особая заслуга в этом отношении принадлежала Вашингтону Ирвингу, Фенимору Куперу, Уолту Уитмену, Марку Твену, О. Генри и Джеку Лондону.

Многие выдающиеся писатели этого периода были горячими поборниками глубокого изучения народной речи и убежденными противниками негативного отношения к американизмам, характерного для пуристов. Так, Фенимор Купер во втором томе своего сочинения "Notions of the Americans" резко критиковал попытки американских грамматистов искусственно навязать американскому английскому языку британские нормы XVIII в. [Mencken 1957: 68]. В своей лекции "An American Primer" У. Уитмен призывал к "национальной независимости" в языке и, в частности, предлагал разрабатывать стилистические нормы американского варианта, ориентированные на повседневную разговорную речь и создать словарь английского языка в Америке, который отражал бы не только литературную, но и просторечную, в том числе жаргонную и арготическую лексику [Mencken: 73].

Значительную роль в становлении Standard American English (в особенности его книжно-письменной разновидности) сыграла кодификация его норм, опирающаяся на многочисленные практические пособия по стилистике (style manuals, style handbooks), нормативные грамматики и популярные толковые словари с их системой ограничительных помет.

Вместе с тем, начиная с 30-х годов, американские лингвисты предпринимают попытки поставить изучение литературной нормы и узуса на объективную научную основу. Одной из первых таких попыток был проведенный С.А. Леонардом в 1932 г. анкетный опрос представителей престижных социальных групп, в том числе профессионалов-лингвистов, членов Национального совета преподавателей английского языка, известных редакторов, писателей и видных бизнесменов [Leonard 1932]. Данные опроса внесли существенные коррективы в рекомендации нормативных грамматик. Так, например, почти все информанты, вопреки требованию многих школьных грамматик, оценили как "утвердившееся" (established) употребление глагольной формы мн. числа с *none* (*none of them are here*).

Одну из первых попыток обоснованного изучения грамматических норм литературного английского языка в США предпринял известный американский грамматист Ч. Фриз в своей "Грамматике английского языка в Америке" (1940). Он поставил перед собой задачу выделить группу носителей языка, чью речь можно было бы

принять за эталон и получить достаточно репрезентативную выборку, отражающую язык этой группы. В качестве материала для исследования были использованы письма в официальные учреждения США, хранящиеся в государственных архивах с некоторыми данными об их авторах. В эталонную группу вошли авторы, окончившие колледж — врачи, юристы, священники и др.

Выяснилось, что большинство представителей этой группы систематически "нарушало" ряд правил прескриптивной грамматики — например, правило об обязательном употреблении существительного в притяжательном падеже перед герундием. В своих письмах они использовали конструкцию типа *There is no necessity for her son being with her* вместо рекомендуемой грамматистами *...for her son's being with her* [Fries 1940]. Данные Фриза и других исследователей убедительно свидетельствовали о необходимости пересмотра ряда догматических установок, глубоко укоренившихся в американской нормативной традиции.

Среди справочных руководств, посвященных литературной норме американского варианта английского языка, особо выделяется фундаментальная и тщательно документированная работа М. Брайант, содержащая наиболее достоверный и надежный материал [Bryant 1962]. Эта книга представляет собой словарь узуса. Вместе с тем она выгодно отличается дифференцированным подходом к нормам литературного языка, стремлением учесть их вариативность от многих такого рода пособий, изобилующих категорическими и догматическими суждениями и упрощающими реальную картину речевого употребления. В качестве примера можно привести выражение *feel badly*, традиционно считавшееся гиперкорректным и ненормативным. В качестве единственной корректной формы предлагалось использовать *feel bad*. По данным Брайант, обе формы характеризуются примерно одинаковой употребительностью в литературном языке. При этом *feel bad* тяготеет к официальной книжно-письменной, а *feel badly* к непринужденно-разговорной речи. Несомненным достоинством работы является то, что автор учитывает ситуативную вариативность Standard American English, наличие в нем разговорной разновидности. Словарь иллюстрируется примерами из произведений современных авторов (Э. Хемингуэя, Э. Пайла, У. Липмана и др.).

Активную роль в кодификации литературной нормы играют толковые словари, широко используемые американцами и выходящие как полными, так и сокращенными популярными изданиями. Пять крупных американских издательств специализируется на выпуске таких словарей — "Мерриам", "Фанк энд Уэгнолс", "Рэндом хаус", "Америкен херитедж" и "Уорлд".

Одним из самых заметных событий в истории американской лексикографии был выход в свет в 1961 году 3-го издания словаря Вебстера ("Merriam Webster's Third New International dictionary"). Его составители видели свою задачу в том, чтобы отразить вариативность языковой нормы во всем ее многообразии, раскрыть всю сложность реальной языковой ситуации, ничуть не пытаясь ее улучшить или изменить. Их главной целью были описание и регистрация языковых явлений, отказ от нормализаторских функций. Стремясь как можно полнее отразить картину реального словоупотребления, составители включили в словарь около 450 тыс. слов. Помимо лексики литературного языка в него вошли единицы просторечия, территориальных и социальных диалектов, вульгаризмы и окказиональные образования.

Отказ от нормализаторской функции проявился в устранении из этого словаря ряда обычных стилистических помет, указывающих на принадлежность той или иной единицы к "сниженному" или "высокому" стилю, к разговорной речи или просторечию. Критики словаря усматривали во включении в него таких "субстандартных" форм, как *ain't* или *like* (в функции союза), сознательную установку на вседозволенность и порчу языка.

Взрыв негодования по поводу 3-го издания словаря Вебстера исходил в основном от неискушенных в лингвистике читателей, видевших в толковом словаре блюстителя чистоты языка. Так, авторитетный нью-йоркский критик Д. Макдональд возмущался тем, что составители словаря вместо того, чтобы навязывать языку свои оценоч-

ные суждения, "регистровали как одержимые" все, что создает язык [McDavid 1980: 301].

Своеобразной реакцией на 3-е издание словаря Вебстера было появление толкового словаря "Heritage illustrated dictionary of the English Language", составители которого исходили из диаметрально противоположных установок в отношении функций и роли словаря. Как отмечает редактор словаря У. Моррис, его составители полагали, что "хороший словарь несет ответственность за правильную ориентацию своих читателей" и считали отказ от оценочных суждений "научным заблуждением" [Morris 1975: VII]. Эти суждения порой находили свое выражение в таких пометах, как *slang*, *nonstandard* и *regional*, а порой в отборе словника (например, в исключении из него "вопиющих" *солецизмов*). Считая, что подобные суждения должны исходить не от лингвистов-теоретиков и не от необразованных людей, неосознанно использующих язык, а от просвещенных членов общества, составители выбрали жюри, состоявшее из известных политических деятелей, писателей, публицистов и ученых, которым было предложено оценить ряд выражений с точки зрения их соответствия литературным нормам. Их ответы были положены в основу примечаний к некоторым словарным статьям.

Словарь "Heritage" вызвал резко отрицательную реакцию со стороны многих лингвистов. Консерватизм его составителей, их попытки регламентировать язык и ориентация на пуристов — все это создало ему репутацию "словаря Голдуотера, Джорджа Уоллеса и Джо Маккарти". Отмечался также тенденциозный подбор жюри, состоявшего в основном из критиков 3-го издания словаря Вебстера и считавших, что "английский язык провалится в преисподнюю, если они этого не предотвратят" [McDavid 1980: 302; Bishop 1975: XXIII].

Думается, что лежащее в основе этой полемики прямолинейное противопоставление нормализаторской и дискрептивной функций словаря едва ли оправдано. Обе эти функции неизбежно находят свое проявление в любом словаре. Даже при самых пуристических установках его составителей словарь не может не быть дескриптивным в той мере, в которой он отражает (пусть недостаточно адекватно) реальные языковые факты. В то же время и словарь дескриптивной ориентации не может полностью отказаться от своей нормализаторской и кодификационной роли. Последняя проявляется не только в отборе языковых единиц, но и в таких пометах, как *slang*, *standard/nonstandard*, *formal/informal* и т.п.

Словарь Вебстера 1961 г. не избежал известного влияния популярного в те годы дескриптивизма, исключавшего из рассмотрения оценочные суждения информантов о языке [так называемые *secondary* и *tertiary responses* (термин Блумфильда)]. Однако, как показали социолингвистические исследования, субъективные установки носителей языка также подлежат изучению (наряду с объективными языковыми фактами) как один из элементов языковой ситуации. Именно поэтому оценочные суждения жюри "Heritage" представляют определенный интерес, но при этом их ни в коем случае не следует отождествлять с реальным узусом.

Следует иметь в виду, что в ряде случаев консерватизм жюри "Heritage" проявлялся в чрезмерном подчеркивании различий между синонимичными выражениями даже в тех случаях, когда эти различия в значительной мере стерлись в реальном употреблении. Например, 72% членов жюри считало, что прилагательное *anxious* может использоваться в тех же контекстах, что и *eager*, лишь тогда, когда подразумевается озабоченность или тревога. Думается, что более объективно реальный узус отражен в "Random House", где в качестве одного из значений *anxious* дается "*full of eagerness, earnestly desirous*" (например, *anxious to please*), хотя и указывается, что педантичные авторы избегают употребления *anxious* в качестве синонима *eager* в официальных контекстах.

В ряде случаев консерватизм жюри "Heritage" проявлялся в неприятии неологизмов, достаточно прочно утвердившихся в Standard American English — например, *bus* в качестве переходного глагола (*to bus children*), хотя такое употребление

характерно не только для разговорной, но и для официальной письменной речи (ср. его использование в законодательных актах о десегрегации школ).

Борьба пуристской и антинормативной тенденций вокруг Standard American English свидетельствует о том, что между консерваторами и их оппонентами есть немало общего. И те и другие склонны гипертрофировать некоторые черты литературного стандарта. Так, консерваторы преувеличивают его единообразие, общеобязательность его норм. Отсюда категоричность их суждений: языковой факт может быть либо приемлем, либо неприемлем. С другой стороны, сторонники антинормативного подхода преувеличивают вариативность языка, игнорируют то стабильное общее ядро, которое цементирует литературный язык во всех его разновидностях. Их суждения также отличаются категоричностью: все, что есть в узусе, приемлемо.

Для представителей этих двух противоборствующих тенденций характерно преувеличение роли субъективных факторов в языке. Если пуристы верят в то, что с помощью нормативных словарей, грамматик и стилистических пособий им удастся предотвратить "порчу" языка, то для их оппонентов корень всех зол — сам литературный язык с его строго очерченными нормами. Вместе с тем и становление литературного языка и встречающиеся неодобрение пуристов языковые инновации представляют собой объективно развивающиеся процессы, которые никак нельзя предотвратить [Швейцер 1983: 90—94].

Из сказанного отнюдь не следует, что помимо объективно действующих факторов на литературный английский язык в США не влияют и определенные субъективные факторы, относящиеся к языковой политике, понимаемой как сознательное регламентирующее воздействие на язык через различные социальные институты.

Как известно, в странах английского языка отсутствуют языковые академии, подобные тем, которые существуют во Франции и Испании. Вместе с тем кодификация узуса осуществляется через систему образования, многочисленные пособия по практической стилистике, словари узуса, инструкции издательств, средств массовой коммуникации, общественных и официальных учреждений и даже программы компьютеров. Регламентирующее влияние на язык осуществляется, как правило, путем определенных ограничений и рекомендаций. Последние в настоящее время чаще всего являются реакцией на требования организаций и течений, представляющих интересы определенных слоев общества (обычно тех или иных меньшинств).

Так, например, из официального употребления и со страниц прессы исчез этноним *Negro* и его эвфемистический эквивалент *coloured*. Им на смену пришли *Black* и *Afro-American*. Категория граждан, которая раньше именовалась *the aged (the elderly)*, сейчас официально обозначается термином *senior citizens*. Сходные переименования коснулись и так называемых "сексуальных меньшинств" (например, употребление *gay* вместо *homosexual*).

Наиболее заметны следы в Standard American English влияния приобретшего за последние годы широкий размах в США феминистского движения. Особенно энергичные протесты американских феминисток вызывает то, что они называют проявлением "сексизма" ("мужского шовинизма") в языке. В частности, вызывает возражения употребление одного и того же слова *man* в значениях "человек" и "мужчина". В первом значении вместо *man* рекомендуется использовать *human* или *human being*. Более того, неприемлемым считается даже употребление морфемы *man* в составе сложных слов (названий профессий, должностных лиц и т.п.). Исключение составляют лишь те случаи, когда референтом является лицо мужского пола. Если же данное слово употребляется в родовом значении (т.е. применительно к лицу любого пола), американские редакторы исправляют *mankind* на *humanity/humankind*, *spokesman* на *representative/spokesperson*, *chairman* на *chair/chairperson*, *manpower* на *labor/force*.

Проблемы возникают также при выборе личного местоимения *he/she* в тех случаях, когда не конкретизируется пол антецедента. Такие фразы, как *If anybody reads this book, he will know about dialects*, рассматриваются как "проявление сексизма в

языке". Возможный вариант: *he or she will know*. Другой вариант — *they will know about dialects* — считался вполне приемлемым вплоть до XIX в., когда был отвергнут в нормативных грамматиках, хотя и встречается до сих пор [Wolfram 1991: 134].

На формирование американского варианта литературного английского языка заметное влияние оказали другие подсистемы английского языка в США. Постоянному соприкосновению и взаимодействию Standard American English с этими подсистемами в значительной мере способствовали некоторые существенные для языковой ситуации социальные процессы — такие, как, например, миграция населения, его географическая и социальная мобильность, урбанизация и рост системы образования. Обусловленное этими процессами расширение социальной базы литературного языка за счет вовлечения в его орбиту носителей различных региональных койне, социальных и территориальных диалектов приводит, в частности, к нейтрализации некоторых факультативных и не несущих высокой фонологической нагрузки оппозиций.

Так, еще в 1958 г. Р. Макдэвид писал, что "кумулятивный эффект индустриализации, урбанизации и образования особенно заметен в речи студентов района Великих Озер. Этот эффект проявляется в сокращении числа фонологических контрастов: *hoarse* и *horse* у этой группы почти всегда являются омонимами; *white* и *whip* произносятся с /w-/ в 50 процентах всех случаев, и *cot* (в особенности в районе Кливленда) почти всегда омонимичен *caught*" [McDavid 1958: 511].

Другим заметным последствием расширения социальной базы литературного языка является приток возникших за его пределами гиперкорректных форм, в частности форм, порожденных так называемым "spelling pronunciation", т.е. произношением, обусловленным графической формой слова — например, восстановление дифтонга /ei/ в *yesterday*, *Sunday* и др.

Литературный язык проникает и для единиц, проникающих в него из различных социальных диалектов. При этом наибольшим инновационным потенциалом обладают социальные группы, привлекающие к себе в тот или иной период особое внимание. Так, возникший в жаргоне хиппи, движение которых в 60—70-е годы находилось в центре внимания средств массовой информации, неологизм *dropout* "человек, порвавший с традиционным обществом, присоединившийся к хиппи, радикально настроенной молодежи и др." был подхвачен прессой и проник в литературный язык: "And by the end of the decade, there was a marked reaction among white middle-class Americans against the rebellious Negroes, the defiant university students, and the social dropouts" (Reston).

Давно уже прочно вошли в литературный английский язык и такие возникшие в сленге единицы, как *O.K.*, *jazz* и *A-bomb*.

Роль американской прессы в популяризации сленга связана не только с ориентацией на определенную читательскую аудиторию. Сленг и коллоквиализмы часто встречаются в качестве маркеров сниженной тональности на страницах самых уважаемых газет и журналов. Например, они широко представлены в таких престижных и ориентированных на образованного читателя еженедельных политических журналах, как "Тайм" и "Ньюсуик". Ср., например, следующий отрывок из журнала "Тайм", где сленгизм *read my lips* 'я этого не говорю, но я так думаю' фигурирует в основной статье (cover story) одного из номеров: «The Congress will push me to raise taxes... and I'll say to them, "Read my lips: no new taxes"» (Time, May 21, 1990).

Если в приведенном выше примере *read my lips* фигурирует в прямой речи, то в следующем отрывке из того же номера журнала сленгизм *to schmooze* 'болтать' встречается в авторской речи журналиста: "John Sununu wandered to the rear or the Boeing 707 to schmooze with the traveling press".

Сленг широко используется в газетных и журнальных материалах самых различных жанров. См. следующие примеры из статей в журнале "Ньюсуик" об искусстве: "Nervy, smart, independent, and funny in an almost, crackpot way, Cameron fit right in with this loony way of Life" (Newsweek, Nov. 19, 1990, 63); "She was particularly apt

at capturing the nutty dignity of these people" (там же). Высокая концентрация сленгизмов и коллоквиализмов в этих текстах (*nervy* "нахальный", *loony* "свихнувшийся", *crackpot* "чудаковатый", *nutty* "сумасшедший") создает серию контрастов на фоне стилистически нейтрального контекста.

Помимо средств массовой коммуникации, каналом проникновения сленга в Standard American English служит также художественная литература. Использование сленга в американской художественной литературе опирается на давнюю традицию, восходящую к Дж. Раньону, в рассказах которого, воспевавших "бурные 20-е годы" (the roaring twenties), сленг часто присутствует в качестве языка рассказчика, от которого ведется повествование. Ср. следующие примеры комического контраста сленга и пародийно-книжной лексики в рассказе Раньона "Три умника" (The Three Wise Guys): "One cold winter afternoon I am standing at the bar in Good Time Charlie's little drum in West 49th Street, partaking of a mixture of rock candy and rye whisky, and this is a most surprising thing for me to be doing, as I am by no means a rumpot, and very seldom indulge in alcoholic beverages in any way, shape, manner or form..."; "...he is the largest puller on the Atlantic Seaboard. In fact, for upwards of ten years, Blondie is bringing wet goods into New York from Canada, and in all this time he never gets a fall which is considered a phenomenal record for an operator as extensive as Blondie". Ср. книжн. *partake*, *indulge in alcoholic beverages*, *phenomenal record* и сленгизмы *drum* "кабачок", *rumpot* "пьяница", *puller* "контрабандист", *wet goods* "спиртное", *fall* "арест".

Для американского сленга характерен также и необычный для этого лексического пласта инновационный процесс, когда сленговые инновации создаются на вершине социальной пирамиды, а затем распространяются к ее основанию. Распространение сленга "сверху вниз" имеет место, например, в тех случаях, когда писатели, публицисты, деятели театра и кино, не только популяризуют уже существующий сленг, но и создают свой собственный, часть которого становится общеупотребительной.

В "Словаре американского сленга" такие единицы обозначаются термином "синтетический сленг". Одним из его творцов был Д. Раньон, создавший, в частности, по сленговым моделям псевдолатинизм *phonus-balonus* от сленговых *phoney* "липовый" и *haloney* "чушь". Широко представлена в сленге модель стяжения. Ее использовал известный американский радиокomentатор У. Уинчел, создавший неологизмы "синтетического сленга" *infanticipate* (*infant* + *anticipate* "ожидать ребенка") и *Renovate* (*Reno* + *renovate* "получить развод в Рено"). Ряд синтетических сленгизмов был создан популярными американскими комиками (*Hey Abbott!*, *Coming Mother! I dood it!*, *You're a good one*).

Другим источником синтетических сленгизмов являются комиксы (например, *goon* 'громила' по имени персонажа из комиксов Э. Сигара, *to put the whammy (on)* 'заколдовать, лишить сознания' из серии комиксов Э. Кэппа).

Известное влияние на формирование американского варианта английского языка оказали и контакты с другими языками — в первую очередь, языками североамериканских индейцев, других колониальных держав (в период колонизации Северной Америки) и — позднее — с языками многочисленных иммигрантов из различных стран Европы и Азии. Однако в рамках Standard American English влияние этих языков было минимальным. Заимствования из них относительно немногочисленны и охватывают весьма ограниченную тематическую сферу. Так, заимствования из языков индейских племен были чаще всего связаны с флорой и фауной, североамериканского континента (*chinquapin* "карликовый каштан", *hickory* "гикори, pekan", *moose* "американский лось"), жизнью и бытом индейских общин (*tepee* " вигвам", *hominy* "кукуруза", *rapoose* "индейский ребенок"). Среди заимствований из французского языка преобладали названия блюд (например, *chowder* "похлебка из рыбы или моллюсков" < франц. *chaudière* "котел"), черта ландшафта (например, *prairie* "прерия" < франц. *prairie*

"луг"), североамериканских животных (например, *caribou* "карибу" < франц. *caribou* < альгонк. < *khalibu*), среди заимствований из нидерландского — названия блюд (*cookie* "печенье" < нидерл. *kookje* "пирог", *cole slaw* "салат из капусты" < нидерл. *kool sla* и др.) и реалий колониального быта (например, *span* "упряжка лошадей" < нидерл. *spannen* "натягивать").

К более позднему периоду (колонизации юго-запада и мексиканской войны) относятся заимствования из испанского языка. В основном они относятся к природным условиям Юго-Запада, его флоре и фауне, а также к трудовой деятельности и быту поселенцев (например *tornado* "торнадо, ураган", *loco* "астрегал (ядовитая трава)" < исп. *loco* "сумасшедший", *bronco* "полудикая лошадь" < исп. *potro bronco* "необъезженный жеребенок", *corral* "загон для скота").

Среди языков иммигрантов наибольший вклад в Standard American English внесли немецкий и итальянский. Однако и эти заимствования охватывают весьма ограниченную понятийную сферу — в основном, названия пищевых продуктов и напитков (*pumpernickel* "сорт ржаного хлеба", *frankfurters* "сосиски", *delicatessen* "кулинарные изделия", *lager* "сорт пива" — из немецкого и *zucchini* "сорт кабачков", *broccoli* "спаржевая капуста", *mozzarella* "сорт сыра", *bologna* "болонская копченая колбаса" — из итальянского; позднее из итальянского языка в Standard American English проникла серия заимствований, отражающих некоторые реалии преступного мира — *Mafia*, *Mafioso*, *Cosa Nostra* "тайная преступная организация, связанная с мафией").

Есть достаточные основания предполагать, что степень вариативности литературного языка или его национального варианта на том или ином уровне их структуры непосредственным образом связана с моделью их формирования, определяющей пути распространения инноваций от центра того или иного языкового ареала к его периферии.

В качестве двух контрастных примеров можно сослаться на историю формирования литературного английского языка в Англии и в США. В Англии, как уже отмечалось выше, формирование национального литературного стандарта происходило вокруг единого центра — Лондона, язык которого оказал решающее влияние на процессы становления и стабилизации общенациональной языковой нормы [Ярцева 1969; 1985]. Такую модель формирования литературной нормы назовем моноцентрической. Именно благодаря ей в Англии сложилась функциональная парадигма, напоминающая, по словам М. Халлидея, пирамиду, в основании которой отмечается достаточно широкий диапазон варьирования, территориального и социального, наблюдаемого преимущественно у социальных низов и постепенно сходящего на нет на вершине пирамиды, если не считать незначительных различий между Оксфордом и Кембриджем [Halliday, McIntosh, Stevens 1973: 28].

Совершенно иначе обстояло дело в Северной Америке, где, как отмечалось выше, на самом раннем этапе эталоном литературной нормы продолжал оставаться язык Лондона, т.е. иными словами, действовала экстрацентрическая модель с центром вне данного ареала. Однако вскоре на эту модель наложилась другая, связанная с формированием в колониальной Америке таких центров, как Бостон, Нью-Йорк, Филадельфия, Чарльстон и Ричмонд, где наиболее интенсивно происходило формирование литературной нормы. Эту модель можно охарактеризовать, как полицентрическую [Швейцер 1981: 274—275].

Полицентризм американского варианта по-разному проявлялся на различных уровнях языковой структуры. Наиболее ощутимо он сказывался на фонетическом уровне, где языковые рефлексy относительной изоляции колониальной периферии от центра инноваций нашли наиболее яркое выражение благодаря отсутствию четкой кодификации произносительных норм. В то же время в области грамматики действие экстрацентрической модели было более заметным и непосредственным благодаря школьному образованию, ориентировавшемуся на британские грамматики и процессы нормализации, опиравшиеся на печатное слово.

На протяжении XVII и XVIII вв. процесс распространения в Америке инноваций, возникших в британском варианте, характеризовался крайней неравномерностью. Наибольшее влияние инноваций испытывали названные выше колониальные центры атлантического побережья, хотя и на них сказалось отсутствие регулярных культурных связей с метрополией.

Интересно проследить пути распространения в английском языке Америки такой возникшей в Англии инновации, как вокализация предконсонантного и конечного /r/ в *barn, far* и др. словах. Эта инновация возникла в центрально-восточных районах Англии. По мере распространения на север и на запад ее волна постепенно затухала по мере ее распространения на север и на запад, где до сих пор существуют диалекты с предконсонантным и конечным /r/. Однако во многих городских центрах, окруженных подобными диалектными массивами, преобладает "безэрное" (r = less) произношение [Trudgill 1974: 158].

Объясняя это явление, Традгил выдвигает гипотезу, согласно которой языковые инновации быстрее распространяются от центра к центру, чем от центра к периферии. В пользу этой гипотезы свидетельствует то, что волна распространения "безэрной" нормы достигла указанных выше центров колониальной Америки, так и не захватив некоторых периферийных районов самой Англии. Именно вокруг этих американских центров (Бостона, Нью-Йорка, Чарльстона и Ричмонда) образовались американские ареалы "безэрного" произношения.

Полицентризм произносительных норм американского варианта литературного английского языка находит свое проявление в том, что его фонологическая макросистема распадается на ряд региональных микросистем, одной из которых является микросистема восточной Новой Англии с характерной для нее гласной фонемой /a/, в *part, glass, ask*, контрастирующей с /æ/ в *pat, sand, cab*, отсутствием фонологического контраста между *cot* и *caught* и наличием оппозиции между дифтонгом /ou/ и монофтонгом /o/ (например, в *road: rode*) (подробнее о региональных фонологических микросистемах Standard American English см. [Швейцер 1971: 59—67]).

В настоящее время происходит формирование общенациональной произносительной нормы вокруг самого распространенного произносительного типа — так называемого General American (Mid-Western), который активно вторгается в традиционные ареалы произношения на северо-востоке и юго-востоке США. В результате, как отмечает У. Лабов, произошла переориентация населения Нью-Йорка на новую произносительную норму с поствокальным /r/, тогда как некогда нормативное "безэрное" произношение получает негативную оценку и отмечается чаще всего у низших слоев населения [Labov 1966].

Сходный процесс наблюдается и на юге США, где, по наблюдениям Р. Макдэвида, поствокальный /r/, в прошлом ассоциировавшийся с речью белых бедняков, становится региональной нормой [McDavid 1980: 129]. В основе этого явления лежат миграционные и урбанизационные процессы, социальная мобильность населения, растущая роль радио и телевидения с их Network English, ориентирующимся на General American. Так образуется новая модель формирования национальной произносительной нормы, которую можно назвать ацентрической.

В то же время в области грамматики и лексики регионализмы в американском варианте литературного английского языка почти отсутствуют, если не считать таких единичных примеров, как форма мн. числа *y'all* в южных штатах, употребление *anymore* в утвердительных предложениях в Филадельфии (*anymore, we watch videos rather than go to the movies*) [Wolfram 1991: 212], *brook* "ручей" вместо *stream* или *creek* в некоторых северо-восточных штатах. При этом следует отметить, что эти регионализмы, используемые образованными людьми, чаще всего встречаются в разговорной речи.

Тот факт, что Standard American English формировался под действием сложных и противоречивых факторов, в условиях высокой географической и социальной мобильности населения, ориентируясь и на норму британского варианта, и на регио-

нальные нормы колониальных центров, и на наиболее распространенный вариант, наложил определенный отпечаток на его статус и структуру. Его отличительными чертами являются неопределенность и размытость его границ и значительная вариативность его структуры.

Разграничение стандартности и нестандартности в данном случае сопряжено с определенными трудностями. Переход от стандартной к нестандартной речи представляет собой континуум [Wolfram 1991: 8]. Само определение Standard American English оказывается достаточно сложным делом и вызывает споры среди специалистов. Распространенная дефиниция, согласно которой литературный язык — это “язык образованных представителей среднего класса” [Wolfram, Fasold 1974: 31], вызывает резкие возражения. Так, У. Мейерс, автор статьи, красноречиво озаглавленной “Можно ли (и нужно ли) определять Standard American English?”, ставит под сомнение это определение, поскольку такие образцы гиперкорректной речи, как *Whom do you think you are?* (вместо *Who do you think you are?*) и *They gave the present to him and I* (вместо *to him and me*), характерны именно для ненормативной речи образованных (educated nonstandard English).

Автор статьи считает неубедительными попытки определить Standard American English на основе совокупности языковых признаков и приходит к выводу о том, что едва ли вообще следует его определять, поскольку он является в лучшем случае “полезной фикцией” [Meyers 1977].

В аргументах У. Мейерса есть несомненная доля истины. В самом деле, однозначное определение литературного языка едва ли возможно. Более того, было бы нереально настаивать на таком определении, которое давало бы возможность однозначно идентифицировать любую языковую единицу с точки зрения ее принадлежности к литературному языку, поскольку между литературной и нелитературной речью отсутствуют жесткие границы. Немало единиц находятся в стадии перехода из диалектов и региональных койне в общенациональный литературный язык.

Вместе с тем едва ли можно согласиться с Мейерсом, когда он в качестве одного из аргументов ссылается на отклонения от нормы в речи образованных американцев. Ведь литературный язык — это не то же самое, что реальный узус, а идеализированный конструкт. Однако этот конструкт отнюдь не является фикцией, о чем свидетельствует, в частности, и сама статья Мейерса, написанная на Standard American English.

Прямолинейная классовая атрибуция Standard American English порой приводила к нападкам на него с позиций критиков американского “истэблишмента”. Так, известный американский фонолог и диалектолог Дж. Следд расценивает обучение негритянских детей литературному английскому языку как попытку “навязать им речь и ценности среднего класса белых”, характеризуя при этом Standard American English как “одно из основных средств сохранения существующей структуры власти, глубоко внедряющее в сознание ребенка систему классовых различий” [Sledd 1973: 375—378].

Прямолинейное приравнивание американского варианта литературного английского языка к языку белых американцев среднего класса в какой-то мере напоминает давно преодоленное нашим языкознанием увлечение идеей “классового языка”, согласно которой литературный язык рассматривается как язык буржуазии. В наши дни едва ли есть необходимость доказывать, что, как и любой литературный язык, Standard American English нейтрален в отношении той или иной идеологии.

Между литературным языком и той или иной социальной категорией его носителей отсутствуют взаимооднозначные связи. Можно согласиться с тем, что образованные слои среднего класса являются в условиях Америки наиболее характерными представителями его носителей. Однако из этого никак не следует, что все то, что встречается в их речи, по определению входит в литературный язык. В этом отношении прав У. Мейерс, указывая на отклонения от литературной нормы (например, гиперкорректные формы), типичные для данной среды.

Решающим аргументом при решении вопроса о существовании в США собственного варианта литературного английского языка должно быть наличие у него тех общих (универсальных) черт, которые отличают любой литературный язык. Едва ли могут быть сомнения в том, что Standard American English отвечает всем обычно выделяемым признакам литературного языка — таким, как полифункциональность, наддиалектность, обработанность, селективность, наличие собственной нормы (подробнее о признаках литературного языка см. [Гухман 1976: 5—8]).

Разделяя большинство конкретных языковых признаков с британским вариантом, он не только расходится с ним в других, но порой и по-разному оценивает одни и те же языковые факты. Ср. следующий отрывок из диалога А. Марквардта и Р. Кверка:

Marckwardt. I can think, for example, of two instances where our spellings are alike but our pronunciations are different. For example both of us spell the past tense of the verb *to shine* as *sh-o-n-e*, but I pronounce it [ʃoun].

Quirk. Yes, and I pronounce it [ʃɒn]. And I suppose that the other verb you've got in mind is the verb *to eat* where the past tense is spelt in both forms of English *a-t-e*. But I pronounce this as [et], as do most of us in Britain, and I think that we would tend to regard the pronunciation [eit] as a relatively uneducated one, as though people learnt the word from seeing it spelt. But isn't it true that the usual educated form in the United States is this form [eit] and that you'd regard [et] as a bit odd?

Marckwardt. More than a bit odd, I would say. Actually, to us, [et] seems rustic, countrified, even uneducated. That is, our reaction is very much like yours, but in reverse [Marckwardt Quirk 1965: 15].

Несмотря на высокую вариативность (особенно на уровне звуковой системы), американский вариант литературного английского языка характеризуется достаточно четким противопоставлением присущих ему форм формам ненормативным. По мнению У. Уолфрама Standard American English может быть определен негативно как разновидность английского языка, лишенная нестандартных, социально стигматизированных элементов. При этом понятие нормативности (standardness) в значительной мере релятивизируется с учетом вариативности американского варианта литературного английского языка, поскольку Standard American English — "плюралистическая категория" [Wolfram 1991: 8—11].

Так, например, в рамках литературного языка различаются две разновидности — Formal Standard English и Informal Standard English. Многие формы, отвергаемые нормой первой разновидности, воплощенной в официальной книжно-письменной речи, оказываются приемлемыми во второй, ориентированной на разговорную речь. Так, например, согласно одному из кодифицированных правил Formal Standard English, не допускается употребление местоимения после существительного-подлежащего. Однако в естественной разговорной речи образованных американцев подобные конструкции встречаются довольно часто. Например:

My mother, she took me to the show.

The students who returned late from recess yesterday and today, they will have to return after school today.

Хотя нормы Informal Standard English не кодифицируются, у говорящих создается ощущение неприемлемости некоторых элементов Formal Standard English не потому, что это "плохой английский язык", недостаточно образованных людей, а потому, что эти формы слишком "высокопарны" (highfalutin) и "характерны для снобов". Так возникают три уровня социальной оценки языковых форм с точки зрения их приемлемости для разговорной литературной речи: "суперстандарт" (форма кодифицированного литературного языка, неприемлемая для Informal Standard English); "стандарт" (форма, приемлемая для Informal Standard English); "субстандарт" (диалектная или социально-стигматизированная форма, лежащая за пределами литературного языка). Например, суперстандартной форме "He's not so smart as I" противопоставляются

стандартная “He’s not as smart as me” и субстандартная “He not as smart as mie”. Суперстандартному произношению причастия *been* /bi:n/ противостоят стандартное /bin/ и субстандартное /ben/. Таким образом, как суперстандартные так и субстандартные формы нестандартны с точки зрения норм разговорного литературного языка [Wolfram, Fasold 1974: 19—21].

Вариативность и релятивность норм литературного английского языка является одним из последствий исторических условий его формирования и постоянного расширения и обновления его социальной базы, связанных с высокой социальной и географической мобильностью населения страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гухман М.М. 1976 — К типологии германских литературных языков донационального периода // Типология германских литературных языков. М., 1976.
- Жирмунский В.М. 1968 — Проблемы социальной дифференциации языков // Язык и общество. М., 1968.
- Швейцер А.Д. 1971 — Литературный английский язык в США и Англии. М., 1971.
- Швейцер А.Д. 1981 — Вариативность английского языка и вариативность его норм (на материале американского варианта английского языка) // Типы наддиалектных форм языка. М., 1981.
- Швейцер А.Д. Социальная дифференциация литературного языка в США. М., 1983.
- Ярцева В.Н. 1985 — История английского литературного языка IX—XV вв. М., 1985.
- Bishop M. 1975 — Good usage, bad usage, and usage // The Heritage illustrated dictionary of the English language. N.Y., 1975.
- Bryant M. 1969 — Current American usage. N.Y., 1969.
- Campbell M. 1992 — Social origins of some early Americans // Seventeenth century America. N.Y., 1992.
- Fries C. 1940 — American English grammar (The grammatical structure of present-day American English with special reference to social differences or class dialects). N.Y., 1940.
- Halliday M.A.K., McIntosh C.A., Strevens P. 1973. — The users and uses of language // Varieties of present-day English, N.Y., 1973.
- Kytö M. 1991 — Variation and diachrony with early American English in focus. Frankfurt-am-Main, 1991.
- Labov W. 1966 — The social stratification of English in New York City. Washington, 1966.
- Leonard S.A. 1932 — Current English usage. Chicago, 1932.
- Lockridge K.A. 1974 — Literacy in colonial New England. An enquiry into the social context of literacy in the Early Modern West. N.Y., 1974.
- Marckwardt A., Quirk R. 1965 — British and American English. Washington, 1965.
- McDavid R.I. 1958 — The dialects of American English // Francis W.N. The structure of American English. N.Y., 1958.
- McDavid R.I. 1980 — Varieties of American English N.Y. 1958.
- Mencken H.L. 1957. — The American Language (An inquiry into the development of English in the United States). N.Y., 1957.
- Meyers W. 1957 — Can (and should) Standard American English be defined // Papers in language variation. SAMLA-ADS collection. University of Alabama Press. 1977.
- Morris W. 1975 — Introduction // The Heritage illustrated dictionary of the English language. N.Y. 1975.
- Rutman D. 1977 — American Puritanism. N.Y., 1977.
- Sledd J. 1973 — Doublespeak: dialectology at the service of Big Brother // Varieties of present-day English. N.Y., 1973.
- Trudgill P. 1974 — Sociolinguistics: an introduction. Harmondsworth, 1974.
- Wentworth H., Flexner S.B. — Dictionary of American slang. 2-nd supplemented edition, N.Y., 1975.
- Winslow O.E. 1972 — Meetinghouse Hill, 1630—1783. N.Y., 1972.